

# КОММУНИЗМ И АНАРХИЗМ

На важности этого вопроса едва ли нужно настаивать. Многие анархисты и многие мыслители вообще, вполне признавая все выгоды коммунистического строя, видят в нем, однако, серьезную опасность для общественной свободы и для свободного развития личности. Что такая опасность действительно существует, нет никакого сомнения. Притом, коснувшись этого предмета, приходится разобрать другой, еще более важный вопрос — о взаимных отношениях личности и общества вообще.

К несчастью, вопрос о коммунизме осложнился разными ошибочными воззрениями на эту форму общественной жизни, получившими довольно широкое распространение. В большинстве случаев под именем коммунизма проповедовался коммунизм, более или менее христианский и монастырский — и, во всяком случае, подначальный, т.е. подчиненный строгой центральной власти. В таком виде его проповедовали в первой половине девятнадцатого века, и в таком виде его осуществляли в немалом числе общин. Принимая за образец семью, эти общины стремились создать «великую коммунистическую семью», и ради этого хотели прежде всего «переродить человека». Вследствие этого, помимо труда сообща, они налагали на своих членов тесное, семейное сожительство, удаление от современной цивилизации, обособление коммуны и вмешательство «братьев и сестер» во все малейшие проявления внутренней жизни каждого из членов общины.

Затем, в рассуждениях о коммунизме часто смешивают мелкие единичные общины, многократно создававшиеся за последние триста или четыреста лет, и те общины, — имеющие возникнуть в большом числе и вступающие между собою в союзные договоры, которые могут создаваться в обществе, выступившем на путь социальной революции.

Таким образом, для успешного обсуждения вопроса о коммунизме и о возможности обеспечить личную независимость в коммунистическом обществе, — необходимо рассмотреть порознь следующие вопросы:

- 1) Производство и потребление сообща, т.е. каким образом можно устроить работу сообща и как пользоваться сообща всем, что нужно для жизни?
- 2) Совместную жизнь, т.е. необходимо ли устраивать ее непременно по образцу большой семьи?
- 3) Единичные и разбросанные общины, общины возникающие в настоящее время; и
- 4) Общины будущего строя, вступающие между собою в союзный договор (федерацию);

И, наконец, 5) общинная жизнь влечет ли за собою неизбежно подавление личности? Другими словами — положение личности в общинном строе.

I

Под именем социализма вообще в течение девятнадцатого века совершилось громаднейшее умственное движение. Началось оно с Бабефа, Фурье, Сен-Симона, Роберта Оуэна и Прудона и продолжалось их многочисленными последователями: французскими (Консидеран, Пьер Леру, Луи Блан), немецкими (Маркс, Энгельс, Шефле), русскими (Чернышевский, Бакунин) и так далее, — которые либо распространяли в понятной форме воззрения основателей современного социализма, либо старались утвердить их на научном основании.

Мысли основателей социализма, по мере того, как они вырабатывались в более определенных формах, дали начало двум главным социалистическим течениям: коммунизму начальническому и коммунизму анархическому (безначальному), а равно и нескольким промежуточным формам, выискивающим компромиссы, или сделки, между теперешним обществом и коммунистическим строем. Таковы школы: государственного капитализма (государство владеет всем необходимым для производства и жизни вообще), коллективизма (всем выплачивается задельная плата, по рабочим часам, бумажными деньгами, в которых место рублей заняли рабочие часы), кооперации (производительные и потребительные артели), городского социализма (полу-социалистические учреждения, вводимые городской управою или муниципалитетом) и многие другие.

В то же время, в чисто рабочей среде, те же мысли основателей социализма (особенно Роберта Оуэна) помогли образованию громадного рабочего движения. Оно стремится соединить всех рабочих в союзы по ремеслам, ради прямой, непосредственной борьбы против капитала; и мало-помалу это движение (породившее в 1864–1879 годах Интернационал, или Международный Союз Рабочих) стремится установить всенародную связь между объединенными ремеслами, и успевает в этом все более и более, по мере того, как международные сношения становятся более удобными.

---

Три существенных пункта было установлено этим громадным движением, умственным и революционным, и эти три пункта глубоко проникли за последние тридцать лет в общественное сознание. Вот они: —

1. Уничтожение порядка задельной платы, выдаваемой капиталистом рабочему, — так как эта система представляет собою ничто иное, как современную форму древнего рабства и крепостного ига;
2. Уничтожение личной собственности на то, что необходимо обществу для производства; и
3. Освобождение личности и общества от той формы политического порабощения — государства, — которая служит для поддержания и сохранения экономического рабства.

По этим трем пунктам, можно сказать, установилось уже некоторое соглашение между мыслящими социалистами.

Действительно, даже коллективисты, которые настаивают на необходимости «рабочих чеков», или платы по часам работы, а равно и те, которые говорят, как выразился поппиблист («возможник») Брусс: «Все должны быть чиновниками!» (Tous — fonctionnaires), то есть, что все рабочие должны быть на жалованьи, либо у государства, либо у города, либо у сельской общины, — даже они соглашаются, в сущности, с вышеупомянутыми тремя пунктами. — Они предлагают ту или другую временную сделку только потому, что не предвидят возможности сразу перейти от теперешнего строя к коммунизму. Они идут на уступки, потому что считают их неизбежными; но их конечная цель — все-таки остается коммунизм.

Что же касается до государства, то даже те из них, которые остаются ярыми защитниками сильной государственной власти и даже диктатуры, признают (как выразился однажды Энгельс), что когда классы, существующие теперь, будут уничтожены, то с ними исчезнет и надобность в государстве.

Таким образом, нисколько не стремясь преувеличивать значение анархической партии в социалистическом движении, из-за того только, что она — «наша» партия, мы должны признать следующее.

Каковы бы ни были разногласия между различными партиями обще-социалистического движения — причем эти разногласия обуславливаются, в особенности, различием в способах действия, более или менее революционных, принятых тою или другою партией, — все мыслители социалистического движения, к какой бы партии они ни принадлежали, признают, что конечной целью социалистического развития должно быть развитие вольного коммунизма. Все остальное, — сами же они сознаются — есть ничто иное, как ряд переходов на пути к этой цели.

---

Всякое рассуждение о переходах, которые придется сделать на пути к цели, будет совершенно бесполезно, если оно не будет основано на изучении тех направлений, тех зачаточных переходных форм, которые теперь уже намечаются в современном обществе.

Среди этих различных направлений два особенно заслуживают нашего внимания.

Одно из них состоит в том, что по мере того, как сложнее становится жизнь общества, всё труднее и труднее бывает определить, какая доля в производстве пищи, одежды, машин, жилья и тому подобного по справедливости должна приходиться на долю каждого отдельного работника. Земледелие и промышленность теперь до того осложняются и взаимно переплетаются, все отрасли промышленности до того начинают зависеть друг от друга, что оплачивать труд, смотря по количеству добытых или выработанных продуктов, становится всё более и более невозможным, если стремиться к справедливости. Работая одинаково усердно, два человека, на разного сорта земле, в разные годы, или в двух разных угольных копях, или же на двух разных ткацких фабриках при разных машинах, или даже на той же машине, но при разном хлопке, произведут различные количества хлеба, угля, тканей.

Поэтому мы видим, что чем развитее становится данная промышленность, тем более исчезает в ней поштучная заработная плата, — тем охотнее заменяется она поденною платою, по столько-то в день.

С другой стороны, сама поденная плата имеет стремление к уравниванию. Теперешнее общество, конечно, продолжает делиться на классы, и есть целый громаднейший класс «господ» или буржуа, у которых жалование тем выше, чем менее они сработают в день. Затем, среди самих рабочих есть также четыре крупных разряда, в которых рабочий день оплачивается очень различно; а именно: женщины, сельские рабочие, чернорабочие и рабочие, знающие какое-нибудь ремесло. Но эти четыре разряда различно оплачиваемых рабочих представляют только четыре разряда эксплуатации рабочего его хозяином, и каждого разряда самих рабочих — другими, высшими разрядами: женщин — мужчинами, сельских рабочих — фабричными.

Теперь оно так; но в обществе, в котором установится равенство между людьми и в котором хозяин не сможет пользоваться подчиненным положением рабочего, мужчина — подчиненным положением женщины, а городской рабочий — подчиненным положением крестьянина, — в таком обществе деление на классы исчезнет. И поэтому совершенно справедливо было замечено, что для правильно устроенного общества рабочий день землекопа стоит столько же, то есть имеет одинаковую ценность, что и день ювелира, или учителя. В силу этого, еще Роберт Оуэн, а за ним Прудон, предложили, и даже оба попробовали ввести рабочие чеки; то есть каждый человек, проработавший, скажем, пять часов в каком бы то ни было производстве, признанном полезным и нужным, получает квитанцию с означением: «пять часов»; и с этою квитанциею он может купить в общественном магазине любую вещь — еду, одежду, предмет роскоши — или же заплатить за квартиру, за проезд по железной дороге и так далее, представляющие то же количество часов работы других людей. Эти самые чеки коллективисты и предлагают ввести в будущем социалистическом обществе для оплаты всякого рода труда.

---

Если вдуматься, однако, во всё то, что до сих пор было сделано, чтобы установить общественное, социалистическое пользование чем бы то ни было, мы не увидим, за исключением нескольких тысяч фермеров в Америке, которые ввели между собою рабочие чеки, — мы не видим, чтобы где-нибудь мысль Роберта Оуэна и Прудона, проповедуемая теперь коллективистами, развилась в сколько-нибудь значительных размерах. Со времени попытки Оуэна, сделанной три четверти века тому назад, рабочий чек не привился нигде. И я указал в другом месте («Хлеб и Воля», глава о задельной плате), какое внутреннее противоречие мешает широкому приложению этого проекта.

Зато мы замечаем, наоборот, множество всевозможных попыток, сделанных именно в направлении коммунизма — либо частного, ограниченного, неполного, либо даже полного.

Многие сотни коммунистических общин были основаны в течение девятнадцатого века в Европе и Америке; и даже в настоящую минуту нам лично известно около сотни, если не более, общин, живущих более, или менее на началах коммунизма. И если бы кто-нибудь занялся описанием всевозможных, больших и малых, коммунистических и полу-

коммунистических общин, рассеянных по белу свету, то картина получилась бы весьма любопытная.

Но еще поразительнее количество попыток обобществления, делающихся повсеместно, среди самой буржуазии, на началах коммунизма, хотя и частного, ограниченного, неполного. И делаются эти попытки либо большими группами частных лиц, либо целыми городами (так называемый муниципальный или городской социализм).

---

Что такое гостиница, пароход, швейцарский «пансион», как не попытки, делающиеся в этом направлении среди буржуазного общества? За определенную плату — столько-то рублей в день — вам представляется выбирать, что вам вздумается из десяти блюд, или из пятидесяти блюд, на большом пароходе, и никому в голову не приходит учитывать, сколько вы чего съели. Такая организация теперь установилась даже международная. Уезжая из Лондона или Парижа, вы можете запастись билетами (по 2 рубля 50 копеек в день), и по этим билетам вы получаете комнату, кровать и стол в сотнях гостиниц, рассеянных во Франции, Германии, Швейцарии, Италии, и принадлежащих к международному союзу гостиниц.

Буржуа прекрасно поняли, какую громадную выгоду представляет им этот вид ограниченного коммунизма, для потребления, — соединенного с полной независимостью личности; вследствие этого, они устроились так, что за определенную плату, по столько-то в день или в месяц, все их потребности жилища и еды бывают вполне удовлетворены, без всяких дальнейших расчетов. Предметы роскоши, конечно, не входят в этот договор: за тонкие вина и за особенно роскошные комнаты приходится платить особо; но за плату, одинаковую для всех, основные потребности удовлетворены, не считая того, сколько каждый отдельный путешественник съест, или не доест за общим столом.

---

Застрахование от пожаров, — особенно в селах, где существует до некоторой степени приблизительное равенство в достатках всех жителей, и где поэтому страховая премия взимается равная со всех, застрахование от случайных увечий во время путешествий по железным дорогам; застрахование от воровства, причем вы платите в Англии немного более рубля в год, и компания выплачивает вам, по вашей собственной оценке, за всё, что бы у вас ни украли, ценою до тысячи рублей — и делает это без всяких разбирательств и без всякого обращения к полиции («С какой стати? — говорил нам агент, — обращаться к полиции! всё равно она ничего не разыщет, а ваш рубль покрывает наши платежи и другие расходы, еще с барышом») — всё это формы частного коммунизма, или, вернее, артельной жизни, возникающие чрезвычайно быстро за последние двадцать пять лет. Прибавьте к этому еще ученые общества, которые за такую-то плату в год дают вам библиотеку, комнаты для ваших работ, музей или зоологический сад, которые ни один миллионер не может купить на свои миллионы; прибавьте клубы, дающие вам комнату, библиотеку, общество и всякие другие удобства; возьмите общества застрахования на случай болезни; возьмите артельные путешествия, устраиваемые не только частными агентами, но и образовательными учреждениями (Polytechnic Tours в Англии); или возьмите обычай, распространяющийся теперь в Англии, что за рубль, или даже за полтинник в неделю, вам доставляют на дом, прямо от рыболовов, столько рыбы, сколько вы можете съесть в неделю в вашей семье;

возьмите клуб велосипедистов, с его тысячами мелких удобств и услуг, оказываемых членам, и так далее, и так далее.

Словом, мы имеем перед собою сотни учреждений, возникших очень недавно и распространяющихся с необыкновенною быстротою, основанных на началах приближения к коммунистическому пользованию целыми обширными отраслями потребления.

И, наконец, мы имеем еще, тоже быстро разрастающиеся городские учреждения коммунистического рода. Город берется доставлять всем воду, за столько-то в год, не считая в точности, сколько вы израсходуете воды; газ, электричество для освещения и как рабочую силу (ради этого Манчестер решил уже купить свои угольные копи). Города имеют теперь свои гавани и доки, свои конки, свои электрические трамваи, с одинаковою платою за большое или за малое расстояние (начиная от нескольких сот шагов до 30-ти верст, вы платите в Америке все ту же плату), свои общественные бани и прачечные, и, наконец, города начинают строить свои общественные дома; или же город держит своих овец, или, наконец, заводит свою молочную ферму (Торкэ в Англии). И с каждым годом эти попытки расширения городского хозяйства в коммунистическом направлении растут и распространяется область их приложений.

## II

Конечно, всё это еще не коммунизм. Далеко не коммунизм. Но основная мысль всех этих учреждений содержит в себе частицу коммунистического начала. А именно: за известную плату, по столько-то в год, вы имеете право удовлетворить такой-то разряд ваших потребностей — за исключением, конечно, роскоши в этих потребностях. Теперь вы еще платите за это деньгами, но близок день, когда платить можно будет и трудом: начало уже положено.

Многого еще, конечно, недостает этим учреждениям, чтобы стать коммунистическими; главным образом, не коммунистично то, что, во-первых, плата производится деньгами, а не трудом; а во-вторых, потребители, по крайней мере, в частных предприятиях, не имеют голоса в заведовании делом.

Но нужно также заметить следующее. Если бы основная мысль этих учреждений была правильно понята, то не трудно было бы, уже теперь, завести, даже частному предпринимателю, такую общину, в которой первый пункт (то есть уплата трудом) был бы уже введен. Возьмите, например, участок земли, скажем в 500 десятин. На этой земле строится двести домов, — каждый с садом в четверть десятины. Остальная земля обращается в поля, огороды и общественные сады. Предприниматель берется либо представлять каждой семье, занимающей эти дома, на выбор любые из пятидесяти блюд, приготовляемых им каждый день (как в американской гостинице), или же он доставляет желающим готовый хлеб, сырое мясо, овощи, чай и кофе, — сколько они потребуют — чтобы готовить у себя на дому (шаг в этом направлении делают рыбаки, доставляя на дом рыбу). Отопление производится, конечно, по-американски, из общей печи по трубам с горячей водой. За всё это хозяин учреждения берет с вас — либо плату деньгами, по столько-то в

день, либо оплату работою, по столько-то часов в день, в любой из отраслей, нужных для его села-гостиницы. Работайте по вашему выбору в полях, или в огороде, или на кухне, или по уборке комнат, столько-то часов в день, и ваша работа зачтется в уплату за вашу жизнь. Такое учреждение можно было бы завести хоть завтра, и приходится удивляться одному, — что этого давно уже не было сделано каким-нибудь предприимчивым содержателем гостиницы (*прим.: С тех пор, как эти строки были написаны, я ездил в Америку. Там, в Кембридже (около Бостона) устроена при университете, кроме громадной, роскошной столовой для богатых студентов, еще громадное, не менее художественное здание — очень дешевая столовая для более бедных студентов. А так как у многих студентов и тут нечем платить, то их охотно берут в половые, чтобы прислуживать за столами в часы обеда, и студенты в Америке, как известно, очень охотно это делают. Они платят, таким образом, за свой стол не деньгами, а трудом, по известному расчету. Нет никакой причины, почему при этих столовых не завести бы также свою ферму: Бостон, оказывается, — большой производитель земледельческих и садовых продуктов — главный, по денежному обороту, садовый и огородный центр в штате Массачусетс. Впрочем, и об этом уже поднята была нами речь, и идея принята сочувственно. Школьные фермы, наверно, скоро привьются, и в Америке заведут фермы и при университетах).*

По всей вероятности, некоторые читатели заметят, что именно на этом пункте — то есть на работе сообща — коммунисты наверно провалятся, так как на нем уже провалились многие общины. Так, по крайней мере, написано во многих книгах. А между тем, это будет совершенно неверно. Когда коммунистические общины проваливались, то причины неудачи обыкновенно бывали совсем не в общем труде.

Во-первых, заметим, что почти все такие общины основывались в силу полу-религиозного увлечения. Основатели таких общин решали стать «глашатаями человечества, пионерами великих идей», и, следовательно, — подчиняться строжайшим правилам мелочно требовательной «высокой» нравственности, «переродиться» благодаря общинной жизни, и наконец, отдавать всё свое время, во время работы, своей общине — жить исключительно для нее.

Всё это очень хорошо, даже прекрасно: именно таким самопожертвованием и проводятся в жизнь новые мысли. Но поступать так, значило — поступать, как делали в старину отшельники; то есть требовать от людей — безо всякой нужды — чтобы они стали чем-то другим, чем они есть на самом деле. И только недавно, совсем недавно, стали основываться общины, преимущественно рабочими-анархистами, безо всяких таких высоких целей — просто с целью избавиться от обирания хозяином-капиталистом.

Другая ошибка коммунистов состояла в том, что они непременно желали устроиться по образцу семьи и основать «великую семью братьев и сестер». Ради этого они селились под одним кровом, где им приходилось всю жизнь оставаться в обществе всех тех же «братьев и сестер». Но тесное сожительство, под одним кровом, вообще, — вещь нелегкая. Два родных брата и то не всегда уживаются в одной избе, или в одной квартире. А потому было коренною ошибкою налагать на всех членов жизнь «большою семьею» вместо того, чтобы, напротив, обеспечить каждому наибольшую свободу и наибольшее охранение внутренней жизни каждой семьи. Уже то, что русские духоборы, например, живут в отдельных избах —

гораздо лучше обеспечивает сохранение их полу-коммунистических общин, чем жизнь в одном монастыре.

Затем, маленькая община не может долго просуществовать. Известно, что люди, вынужденные жить очень тесно, на пароходе или в тюрьме, и обреченные на то, чтобы получать очень небольшое количество внешних впечатлений, начинают просто не выносить друг друга (вспомните собственный опыт, или хоть Нансена с его товарищами). А в маленькой общине довольно двум человекам стать во враждебные отношения, чтобы, при бедности внешних впечатлений, общине пришлось распасться, — тем более, что все такие братства еще уединяются от других.

Поэтому, основывая маленькую общину, так и следовало бы знать заранее, что больше нескольких лет она не может прожить. Если бы она прожила дольше, то пришлось бы даже пожалеть об этом. Из этого следовало бы заключить, что ее члены, или дали себя поработить одним из них, или совершенно обезличились.

Но так как можно заранее быть уверенным, что маленькая община долго не проживет, то следовало бы, по крайней мере, иметь десяток или два таких общин, объединенных союзным договором. В таком случае тот, кто по той или другой причине захочет оставить свою общину, сможет, по крайней мере, перейти в другую, а его место может занять кто-нибудь со стороны. Иначе братство гибнет из-за раздоров, причем (как оно бывает в большинстве случаев) его имущество попадает в руки одного из членов — наиболее хитрого и ловкого «брата». Эту мысль, о необходимости союзного договора между братствами, я настоятельно предлагаю всем тем, которые продолжают основывать коммунистические общины. Она родилась не из теории, а из опыта последних лет, особенно в Англии, где несколько общин попало в руки отдельных «братьев», именно из-за отсутствия более широкой организации.

---

Маленькие общины, основанные во множестве за последние тридцать лет, гибли еще по одной весьма важной причине. Они уединялись «от мира сего». Но борьба и жизнь, одушевленная борьбою, — для человека деятельного гораздо нужнее, необходимее, чем сытый обед. Потребность жить с людьми, окунуться в бурный поток общественной жизни, принять участие в борьбе, жить жизнью других и страдать их страданиями, особенно сильна в молодом поколении. Поэтому, как это отлично заметил мне Николай Чайковский, — вынесший это из личного опыта, — молодежь, как только она подходит к восемнадцати годам, неизбежно покидает свою общину; и молодежь неизбежно будет покидать свои общины, если они не слились с остальным миром и не живут его жизнью. Между тем, большинство коммун (за исключением двух, основанных нашими друзьями в Англии, возле больших городов) до сих пор прежде всего считало нужным удалиться в пустыню.

Замечу еще, что коммунисты, поступавшие таким образом, делали еще другую ошибку. Беря даром, или покупая за более дешевую цену землю в местах, еще мало заселенных, они тем самым прибавляли ко всем трудностям новой для них жизни еще все те трудности, с которыми приходится бороться всякому поселенцу на новых местах, вдали от городов и больших дорог. А трудности эти, как известно по опыту, очень велики. Правда, что они



получали землю за дешевую плату; но опыт коммуны около Ньюкэстля доказал нам, что в материальном отношении община гораздо лучше и скорее обеспечивает свою жизнь, занимаясь огородничеством и садоводством (в значительной мере в парниках и оранжереях), а не полеводством; причем вблизи большого города ей обеспечен сбыт плодов и овощей, которыми оплачивается даже высокая арендная плата за землю. Самый труд огородника и садовника несравненно доступнее городскому жителю, чем полевое хозяйство, а тем более — расчистка нивы в незаселенных пустынях.

---

Наконец, еще одною, едва ли не главною, причиною распада таких общин являлось, почти всегда, их желание — дать себе начальство. Те из них, которые низводили свое правительство до наименьшей степени, или вовсе не имели никакого, как, например, Молодая Икария в Америке, еще преуспевали лучше и держались дольше других (тридцать пять лет). Оно и понятно. Самое большое ожесточение между людьми возникает всегда на политической почве, из-за преобладания, из-за власти; а в маленькой общине споры из-за власти тем неизбежнее ведут ее к распадению. В большом городе мы еще можем жить бок о бок с нашими политическими противниками, так как мы не вынуждены сталкиваться с ними беспрестанно. Но, — как жить с ними в маленькой семье, где приходится сталкиваться каждую минуту? Политические споры и интриги из-за власти переносятся здесь в мастерскую, в огород, в коровник, в комнату, где люди собираются для отдыха — и жизнь становится невозможною.

---

Вот главные причины распада основных до сего времени общин.

Что же касается до коммунистического труда сообща, до общинного производства, то именно оно всегда удавалось вполне. Ни в одном коммерческом предприятии возрастание ценности земли, приданной ей трудом человека, не было так велико, как оно было в любой, в каждой из общин, основанных за последние сто лет в Европе или в Америке. Редкая отрасль промышленности давала такую прибыль, как промышленные производства, основанные на коммунистических началах — будь ли то меннонитская мельница, или фабрикация сукон, или рубка леса, или выращивание плодовых деревьев. Можно назвать сотни общин, в которых в несколько лет земля, не имевшая сначала никакой ценности, получала ценность в десять, или даже во сто раз большую.

Ошибки в хозяйстве, конечно, случались в коммунистических общинах, как и везде. Но известно, что в промышленном мире число банкротств бывает из года в год от 60-ти до 80-ти на каждые сто новых предприятий. Из каждых пяти вновь основанных предприятий три или четыре банкротятся в первые пять лет после их основания. Но ничего подобного не было с коммунистическими общинами.

Поэтому, когда буржуазные газеты, желая быть остроумными, советуют дать анархистам особый остров и предоставить им там основывать свою коммуну, то, пользуясь опытом прошлого, мы ничего не имеем против такого предложения. Мы только потребуем, чтобы этот остров был Остров Франции (провинция Ile-de-France, в которой находится Париж) и чтобы нам отделили нашу долю общественного богатства, сколько его придется на человека. А так как нам не дадут ни Иль-де-Франс, ни нашу долю общественного капитала,

то мы когда-нибудь сами возьмем и то и другое, путем Социальной Революции. И то сказать, Париж и Барселона были не так-то уже далеко от этого в 1871 году, — а с тех пор коммунистические взгляды успели-таки распространиться среди рабочих.

При этом всего важнее то, что нынче рабочие начинают понимать, что один какой-нибудь город, если бы он ввел у себя коммунистический строй, не распространивши его на соседние деревни, встретил бы на своем пути очень большие трудности. Ввести коммунистическую жизнь следовало бы сразу в известной области, — например, в целом Американском Штате, Огайо или Идахо, как говорят наши американские друзья, социалисты. И они правы. Сделать первые шаги к осуществлению коммунизма, надо будет в довольно большой промышленной и земледельческой области, а отнюдь не в одном только городе. Город без деревни не сможет жить.

### III

Нам часто приходилось уже доказывать, что государственный коммунизм невозможен, и мы не станем здесь вновь перечислять наши доводы. Самое лучшее доказательство то, что сами государственники — т.е. защитники социалистического государства — не верят в возможность коммунизма, устроенного под палкой государства.

Одни из них так заняты «завоеванием власти» (*conquête des pouvoirs*) в теперешнем буржуазном государстве, что они вовсе даже не стараются выяснить, что такое подразумевают они под именем социалистического государства, которое не было бы вместе с тем осуществлением государственного капитализма, то есть такого строя, при котором все граждане становятся работниками, получающими задельную плату от государства. Когда мы им говорим, что они стремятся именно к этому, они сердятся; но, несмотря на это, они вовсе не стараются выяснить, какую другую форму общественных отношений они желали бы осуществить. Причина этого понятна. Так как они не верят в возможность близкой социальной революции, они стремятся захватить часть власти в теперешнем буржуазном государстве, и представляют будущему, чтобы оно само определило свое направление.

Что касается до тех, которые пробовали набросать картину будущего общества, то, когда мы им указывали, что, придавая широкое развитие государственному началу, они тем самым подрывают ту небольшую личную свободу, которую человечеству удалось уже отвоевать, они обыкновенно отвечали, что вовсе не хотят над собою власти, а только хотят завести Статистические Комитеты. Но это — простая игра словами. Теперь достаточно уже известно, что единственная путная статистика исходит от самой личности. Только сама личность, каждая в отдельности, может дать точные статистические сведения насчет своего возраста, занятий и общественного положения, подвести итоги тому, что каждый из нас произвел и потребил. Так и собирается теперь статистика, когда составители действительно хотят, чтобы их цифры заслуживали доверия. Так делались, между прочим, и наши «подворные описи» честными земскими статистиками из молодежи.

Вопросы, которые надо поставить каждому обывателю, вырабатываются обыкновенно добровольцами (учеными, статистическими обществами), и роль статистических комитетов сводится теперь на то, что они раздают печатные листы с вопросами, а потом сортируют карточки и подводят итоги при помощи вычислительных машин. Поэтому утверждать, что социалист так именно и понимает государство, и что никакой другой власти он ему и не хочет вручать, значит (если сказано искренно) попросту «отступить с честью». Под словом Государство во все века, да и самими государственниками-социалистами, понимался вовсе не рассылный, разносящий листы переписи, и не счетчик, подводящий итоги переписи, а действительные распорядители народной жизни. Надо и то сказать, что бывшие якобинцы порядком посбавили за последнее время свои восторги перед диктатурой и социалистической централизацией, которые они так горячо проповедовали лет тридцать тому назад. Нынче никто из них не решится утверждать, что потребление и производство картофеля должно устанавливаться из Берлина парламентом немецкого фолькштата (Народного Государства). Подобный вздор уже перестали утверждать.

Таким образом, Коммунистическое Государство есть утопия, от которой начинают отказываться те самые, которые прежде стояли за нее, — и давно пора заняться другим, более серьезным вопросом. А именно: анархический, то есть свободный и безгосударственный Коммунизм не представляет ли также опасности для свободного развития личности? Не повлечет ли он за собою тоже уменьшение свободы личности и подавления личного почина?

---

Дело в том, что во всех рассуждениях о Свободе нам приходится считаться с целю кучею ложных представлений, завещанных нам веками рабства и религиозного гнета.

Экономисты толкуют нам, что договор, заключаемый рабочим, под угрозю голода, с его хозяином, именно и есть сама свобода. Политиканы всяких партий стараются, с своей стороны, убедить нас, что теперешнее положение гражданина, попавшего в крепость ко всемогущему государству, есть именно то, что следует называть свободю. И, наконец, моралисты, даже самые крайние, как Милль и его многочисленные последователи, определяют понятие о свободе, как право делать всё, лишь бы не нарушать такое же право всех остальных. Не говорю уже о том, что слово «право», унаследованное нами из смутных стародавних времен, ничего ни говорит, или говорит слишком много; но определение Милля позволило философу Спенсеру, очень многим писателям и даже некоторым индивидуалистам-анархистам, как например, Теккеру, оправдать и восстановить все права государства, включая суд, наказание и даже смертную казнь. — Таким образом они, в сущности, воссоздали то самое государство, против которого выступили сначала с такою силою. Притом мысль о «свободной воле» скрывается под всеми этими рассуждениями.

---

Оставляя в стороне полубессознательные поступки человека и беря только сознательные (на них только и стараются оказать влияние закон, религии и системы наказания) — беря только сознательные поступки человека, каждому из них предшествует некоторое рассуждение в нашем мозгу. — «Выйду-ка я погулять», проносится у нас мысль... — «Нет, я назначил свидание приятелю», — проносится другая мысль. Или же: «Я обещал кончить мою работу», или — «Жене я детям скучно будет одним», или же, наконец: «Я потеряю свое

место, если я не пойду на работу».

В этом последнем рассуждении сказался страх наказания. В трех же первых человек имел дело только с самим собою — со своими частными привычками, или со своими личными привязанностями. И в этом состоит вся разница между свободным и несвободным состоянием. Человек, которому пришлось сказать себе: «Я отказываюсь от такого-то удовольствия, чтобы избежать такого-то наказания» — человек несвободный.

И вот мы утверждаем, что человечество должно освободиться от страха наказания, уничтожив само наказание; и что оно может устроиться на анархических началах, при которых исчезнет страх наказания и даже страх порицания. К этому идеалу мы и стремимся.

Мы прекрасно знаем, что человек не может освободиться ни от привычек известной честности (например, от привычки быть верным своему слову), ни от своих привязанностей (нежелание причинить боль, или даже огорчение тем, кого мы любим, или кого мы не хотим обмануть в их ожидании). В этом смысле человек никогда не может быть свободен. Даже Робинзон не был свободен в этом смысле на своем острове. Раз он начал долбить свою лодку, обрабатывать огород, или запастись провизией на зиму, он уже был захвачен своим трудом. Если он вставал ленивый и хотел поваляться в своей пещере, он колебался минуту, а затем шел к своей начатой работе. С той же минуты, как у него завелся товарищ-собака, или несколько коз, а в особенности с тех пор, как он встретился с Пятницею, он уже не был вполне свободен, в том смысле, в каком это слово нередко употребляется в жару спора и иногда на публичных собраниях.

У него уже были обязанности, он уже вынужден был заботиться об интересах другого, он уже не был тем «полным индивидуалистом», которого нам иногда расписывают, в виде поразительного парадокса, в спорах об Анархии. С той же минуты, как у Робинзона завелись бы жена и дети — кто бы их ни воспитывал: сам ли он или «общество» — у него возникли бы еще новые обязательства; но даже с той минуты, как у него завелись хоть одно домашнее животное и огород, требующий поливки и ухода в известные часы дня, — он уже не был более тем «знать ничего не хочу», «эгоистом», «индивидуалистом» и тому подобное, которых нам иногда выставляют типами свободного человека. Ни на Робинзоновом острове, ни, еще менее, в обществе, как бы оно ни было устроено, такого вольного гулятья не существует.

Человек всегда принимал и всегда будет принимать в расчет интересы хоть нескольких других людей, — и будет принимать их всё более и более, по мере того, как между людьми будут устанавливаться более и более тесные взаимные отношения, — а также и по мере того, как эти другие сами будут определеннее заявлять свои желания и свои чувства и настаивать на их удовлетворении.

Вследствие этого, мы не можем дать Свободе никакого другого определения, кроме следующего:

Свобода есть возможность действовать, не вводя в обсуждение своих поступков боязни общественного наказания (телесного, или страха голода, или даже боязни порицания, если

только оно не исходит от друга).

Понимая Свободу в этом смысле — а я сомневаюсь, чтобы можно было дать ей другое, более широкое, и вместе с тем конкретное (вещественное) определение — мы должны признать, что Коммунизм, конечно, может уменьшить и даже убить всякую личную свободу (во многих общинах так и делали); но что он также может расширить эту свободу до ее последних пределов; и что только при этом условии — расширении личной свободы — он сможет утвердиться в человеческих обществах.

Всё будет зависеть от того, с какими основными воззрениями мы приступаем к коммунизму. Сама коммунистическая форма общежития отнюдь не обуславливает подчинение личности. Большой же или меньший простор, предоставленный личности в данной форме общежития, если только она не устроена заранее в подначальной, пирамидальной форме, — определяется теми воззрениями на необходимость личной свободы, которые вносятся людьми в то или другое общественное учреждение.

Сказанное справедливо по отношению ко всякой форме общественной или совместной жизни. Когда два человека селятся вместе в одной квартире, их совместная жизнь может привести одинаково — либо к подчинению одного из них другому, либо к установлению между ними отношений равенства и свободы для обоих. То же самое будет, если мы возьмемся вдвоем копать огород, или издавать газету; и то же самое относится до всякого другого союза или артели и всякой формы общественной жизни. Таким образом, в десятом, одиннадцатом и двенадцатом веке, в городах того времени создавались общины вольных и равных людей; но в тех же самых общинах, четыреста лет спустя, народ, под влиянием учений Церкви и Римского Права, требовал диктатуры какого-нибудь монарха. Учреждения городского суда, цеховое устройство и прочее остались те же; но тем временем в городах развились понятия Римского Права, верховной Церкви и государственного права, тогда как первоначальные понятия о третейском суде, о свободном договоре и о личном почине притупились, исчезли; — и из этого родилась рабская приниженность семнадцатого и начала восемнадцатого века в средней Европе.

---

Если присмотреться внимательнее, то нет никакого сомнения, что из всех испробованных до сих пор форм общественной организации и учреждений, коммунизм еще больше всех других может обеспечить свободу личности — если только основною идеею общины будет Свобода, Анархия.

Коммунизм может принять все формы, начиная с полной свободы личности и кончая полным порабощением всех — между тем как другие формы общественной жизни не могут проявляться безразлично в том или другом виде: те из них, например, которые не признают гражданского и имущественного равенства, неизбежно влекут за собою порабощение одних людей другими. Коммунизм же может проявиться, например, в форме монастыря, в котором все монахи безусловно подчиняются воле настоятеля; но он может выразиться и в форме вполне свободной артели, в которой каждый член сохраняет полнейшую независимость, причем сама артель существует только до тех пор, покуда ее члены желают этого, и, ни сколько не стремясь накладывать присуждение, стараются еще защищать свободу каждого

и расширять ее во всех направлениях.

Коммунизм, конечно, может быть начальническим, принудительным, — и в этом случае, как показывает опыт, община скоро гибнет, — или же может быть анархическим. Тогда как, например, государство, будь оно основано на крепостном праве или на коллективизме, роковым образом должно быть принудительным. Иначе оно перестает быть государством.

---

Что коммунизм лучше всякой другой формы общежития, может обеспечить экономическую свободу — ясно из того, что он вполне может обеспечить каждому члену общества благосостояние, и даже удовлетворение потребностей роскоши, требуя взамен не более четырех или пяти часов работы в день вместо того, чтобы требовать от него десять, или девять, или хотя бы даже восемь часов в день. Дать каждому досуг, в течение десяти или одиннадцати часов из тех шестнадцати часов в сутки, которые представляют нашу сознательную жизнь (около восьми часов надо положить на сон) — уже значит расширить свободу личности настолько, что такого расширения человечество добивается, как идеала, вот уже сколько тысяч лет. В настоящее время, при наших могучих способах производства, это, однако, вполне возможно. В коммунистическом обществе человек легко может иметь каждый день полных десять часов досуга, и вместе с тем пользоваться благосостоянием. А такой досуг уже представляет освобождение от одной из самых тяжелых барщин, существующих теперь в буржуазном строе. Досуг, сам по себе, уже составляет громадное расширение личной свободы.

Затем, — признать всех людей равными и отречься от управления человека человеком, — опять-таки представляет расширение свободы личности; причем мы не знаем никакой другой формы общежития, при которой это увеличение личной свободы могло бы быть достигнуто в той же мере. Но достичь этого возможно только тогда, когда первый шаг будет сделан, — то есть, когда каждому члену общества будет обеспечено существование, и когда никто не будет вынужден продавать свою силу и свой ум тому барину, который соблаговолит воспользоваться этой силой ради собственной нажины.

Наконец, — признать, как это делают коммунисты, что первое основание всякого дальнейшего развития и прогресса общества есть разнообразие занятий, — опять-таки представляет расширение свободы личности. Если каждый член общества может отдаваться, в часы досуга, чему ему вздумается в области науки, искусства, творчества, общественной деятельности и изобретения, и если в самые часы работы он имеет возможность работать в разнообразных отраслях производства, а само воспитание ведется сообразно этой цели — в коммунистическом же обществе это вполне возможно, — то этим достигается еще большее увеличение свободы, так как перед каждым из нас широко раскрывается возможность расширить свои личные способности во всех направлениях. Области, прежде недоступные, как наука, художество, творчество, изобретения, и так далее, открываются для каждого.

В какой мере личная свобода осуществится в каждой общине, или в каждом союзе общин, будет зависеть исключительно от основных воззрений, которые возьмут верх при основании общин. Так например, мы знаем одну обширную религиозную общину, в которой человеку

возбранилось даже выражать свое внутреннее настроение. Если он чувствовал себя несчастным, и горе выражалось на его лице, к нему немедленно подходил один из «братьев» и говорил: «Тебе грустно, брат? А ты все-таки сострой веселое лицо: иначе огорчительно подействуешь на других братьев и сестер». И мы знаем одну английскую общину, состоявшую из семи человек, в которой один из членов, — Кочкаревы водятся и между социалистами — требовал назначения председателя («с правом бранить») и четырех комитетов: садоводства, продовольствия, домашнего хозяйства и вывоза, с полными правами для председателя каждого из комитетов. Есть, конечно, общины, которые были основаны, или были наводнены со временем, такими «преступными фанатиками власти» (особый тип, рекомендуемый доктору Ломброзо); и не мало общин было основано фанатиками «поглощения личности обществом». Но таких фанатиков произвел не коммунизм. Их породило Церковное Христианство (глубоко-начальническое в своих основных началах) и Римское Право, — то есть государство и его учения. Эти государственные воззрения, — в силу которых никакое общество не может якобы существовать без судьи и секутора, вооруженного розгами и секирою, — действительно останутся угрозой и помехою коммунизму, пока люди не отделаются от них. Но основное начало коммунизма — вовсе не начальство, а то простое утверждение, что для общества выгоднее и лучше овладеть всем, что нужно для производства и жизни сообща, не высчитывая, что каждый из нас произвел и потребил. Это основное понятие ведет к освобождению, к Свободе, а не к порабощению.

---

Мы можем, таким образом, высказать следующие Заключение:

До сих пор попытки коммунизма кончались неудачею, потому что:

Они имели большею частью религиозный характер, тогда как в Коммуне следовало просто видеть экономный способ производства и потребления;

Они отчуждались от Общества, его жизни и его борьбы;

Они были пропитаны духом начальствования;

Они оставались одиночными, вместо того, чтобы соединяться в союзы: общины были слишком малы;

Они требовали от своих членов такого количества труда, которое не оставляло им никакого досуга, и стремились всецело поглотить их;

Они были основаны, как сколки с патриархальной и подчиненной семьи, тогда как им следовало, наоборот, поставить себе основною целью наивозможно полное освобождение личности.

Коммунизм — учреждение хозяйственное; и, как таковое, он отнюдь не предрешает, какая доля свободы будет предоставлена в общине личности, почину личности и отпору, который встретит в отдельных личностях стремление однажды установленных обычаев к утверждению навеки в определенной, окаменелой форме. Коммунизм может стать

подначальным, и в таком случае община неизбежно гибнет; и он может быть вольным, и привести в таком случае, как это случилось даже при неполном коммунизме в городах двенадцатого века, к зарождению новой цивилизации, новой жизни, обновившей тогда Европу.

Из этих двух форм коммунизма — вольного и подначального — только тот и будет иметь задатки прогресса и жизни, который сделает всё, что возможно, чтобы расширить свободу личности во всех возможных направлениях.

В этом последнем случае, свобода личности, увеличенная ее досугом, возможностью обеспечить себе благосостояние и вольным трудом, при меньшем числе рабочих часов, — нисколько не пострадает более, чем, например, теперь от проводимого городского газа или городской воды, или же от того, что мы теперь, в часы работы, вынуждены работать сообща с тысячами других людей.

Имея анархию, как цель и как средство, коммунизм становится возможен, тогда как без этой цели и средства он должен обратиться в закрепощение личности и, следовательно, привести к неудаче.

---

Версия #1  
[redacted] [redacted] создал 25 апреля 2025 16:05:28  
[redacted] [redacted] обновил 25 апреля 2025 16:08:00